

Валерий Верхоглядов

Журналистика
как казус

38. Мемуар на два голоса. *Рассказывает Марина Михайлова.*

Один из медиков написал книжку. Даже не книжку — брошюру. Из художественной литературы он тщательно отобрал описания недугов, которыми страдали как главные, так и второстепенные герои, и попытался связать их с теми высокими гуманистическими задачами, которые ставили перед собой писатели, когда работали над своими произведениями. Ни одно серьезное издательство эту работу не приняло, и она была выпущена в свет какой-то библиотекой в качестве учебного пособия.

Вообще-то особой беды от таких брошюр нет, как, впрочем, и пользы, но эта была сделана столь претенциозно, что невольно вызвала далеко не лестную реакцию. Я написала фельетон, который назывался «Как Томас Манн связал ожирение с нарушением функций органов дыхания». Опубликован он был в газете «Комсомолец».

Люди не любят, когда их критикуют. Медики же насмешек вообще не терпят — это каста неприкасаемых. Тотчас было составлено коллективное письмо, которое поступило в Карельский обком партии. Вскоре нас с редактором газеты Алексеем Осиповым вызвали для разбирательства. В обкоме мне было сказано: «Вы, Марина Борисовна, — человек беспартийный, а значит безответственный. Вы даже не поняли, что вас просто используют. Так что идите и больше на такую удочку не попадайтесь. А вот с редактором разговор будет серьезный, очень серьезный».

Рассказывает Алексей Осипов.

Через пару дней после публикации фельетона звонит мне зав. сектором пропаганды и агитации обкома партии Анатолий Иванович Штыков.

— Тут, Алексей, на тебя «телега» от медиков поступила. Ты же знаешь эту публику, они у нас святее папы. Но ты не дрефь, газету мы в обиду не дадим.

На следующий день вызывают нас с Мариной Михайловой на ковер. Марину отпустили сразу, а меня стали дружно прессовать. Всей компанией. Говорили, что газета совершила большую политическую ошибку, она поступила безответственно, что мы порочим честь и достоинство советских медиков и тем самым активно подыгрываем нашим идеологическим врагам и т.д., и т.п. Что удивительно, Штыков в этом общем хоре говорил совершенно противоположное тому, что я слышал от него по телефону.

В общем, все сходились на том, что газета должна публично извиниться перед автором брошюры и написать о том, какую нужную и полезную работу он опубликовал.

Я на такую глупость не согласился, и Штыков сказал, что к этой теме придется вернуться еще раз и принять окончательное решение.

Рассказывает Марина Михайлова.

Сидим в секретариате редакции. Ждем Осипова. Полчаса проходит, час. Наконец, пришел. Сел в кресло и молчит. Дрыгин спрашивает: «Ты почему шапку не снимаешь?» Осипов серьезно ему отвечает: «Думаю, что я поседел».

Рассказывает Алексей Осипов.

Была середина недели, и в этот день второй почтой доставили свежий номер «Литературной газеты», а в нем на шестнадцатой полосе критическая заметка о той злосчастной брошюре. Должен отметить, что фельетон в «Комсомольце» был написан интересней.

Звоню в сектор печати обкома партии: «Читали?»

Через некоторое время мне позвонил Штыков, сказал, что медики — это такой народ, ну, ты понимаешь, ни перед кем, конечно, извиняться не нужно и вообще газета поступила принципиально и правильно, словом, так держать.